

Заметки <для авторского вечера «Стихи и комментарии» 7 мая 1949 г.>*

*Вступительная статья, публикация
и комментарии Г. Глушанок*

НАБΟКОВ В РОЛИ НАБΟКОВА**

В личном архиве Набокова в Монтрё хранятся уникальные альбомы, заведенные еще матерью Набокова — Еленой Ивановной, и продолженные его женой. В них вклеены газетные вырезки — рецензии на книги и выступления. В 1930-м году Елена Ивановна, жившая после гибели мужа в Праге, вероятно, присутствовала на вечере сына. Она сохранила газетную заметку об этом выступлении:

«Вечер В. В. Сирина

Союз русских писателей и журналистов воспользовался пребыванием в Праге В. В. Сирина и 20 мая в зале Ираска устроил вечер, посвященный чтению его произведений. В. В. Сирин читает мастерски, захватывая внимание слушателей... Переполненная аудитория горячими искренними аплодисментами приветствовала даровитого писателя и прекрасного чтеца...»¹

На этом вечере Набоков читал отрывок из романа «Соглядатай», стихи и небольшой рассказ.

Публичные выступления в Праге, Брюсселе, Лондоне, Париже, а позднее и в Нью-Йорке, были для писателя не только материальным подспорьем в его часто бедственном положении, но и своеобразным актерским экспериментом — волнующей,

---

* Впервые: Наше наследие. М., 2000. № 55. С. 75—89.

** В название статьи сознательно введена перекличка с заглавием книги Л. И. Вольперт «Пушкин в роли Пушкина» (М., 1999).

¹ Неделя. Прага. 1930. 28 мая. № 60.

живой встречей с читателями. Современники оставили многочисленные свидетельства о своих переживаниях во время литературных чтений в переполненных залах.

* * *

15 ноября 1932 г. состоялось первое организованное И. Фондаминским выступление Набокова в Париже. Н. Н. Берберова вспоминала: «Вечера чтений Набоковым своих вещей обычно происходили в старом и мрачном зале Лас-Каз, на улице Лас-Каз. В зале могло поместиться около 160 человек. В задних рядах “младшее поколение” (т. е. поколение самого Набокова), не будучи лично с ним знакомо, но конечно, зная каждую строку его книг, слушало холодно и угрюмо. “Сливки” эмигрантской интеллигенции (средний возраст 45—50 лет) принимали Набокова с гораздо большим восторгом в то время. Позже были жалобы, особенно после “Приглашения на казнь”, что он стал писать “непонятно”. Это было естественно для тех, кто был чужд западной литературе нашего столетия, но было ли наше столетие — их столетием? Что касается “младших”, то, сознаюсь, дело это далекого прошлого, и пора сказать, что для их холодности (если не сказать — враждебности) было три причины: да, была несомненная зависть — что скрывать? — особенно среди прозаиков и сотрудников журнала “Числа”; был также дурной вкус, все еще живущий у молодых “реалистов” (не называю имен); и наконец была печальная неподготовленность к самой возможности к возникновению в их среде чего-то крупного, столь отличного от других, благородного, своеобразного, в мировом масштабе — значительного...»²

Воспоминания В. С. Яновского, представлявшего как раз «младшее поколение», подтверждают «расслоение» зрительного зала, жадный интерес публики к сенсации и вечное противостояние «художника и толпы»: «Большие, парадные вечера — смотры парижской литературы — обычно устраивались в зале Географического общества <...> Я пришел явно с недоброжелательными поползновениями; Сирин в “Руле” печатал плоские рецензии и выругал мой “Мир”³. В переполненном зале преобладали такого же порядка ревнивые, завистливые и мстительные слушатели. Старики — Бунин и прочие — не могли простить Сирину его

² Берберова Н. Курсив мой. Автобиография. М., 1996. С. 370.

³ Сирин В. Волк, волк! <Рец. на: В. С. Яновский «Мир» // Наш век. Берлин. 1932. № 31.

блеска и “легкого” успеха. Молодежь полагала, что он слишком много “пишет”. <...> Читал он в тот раз главу из “Отчаяния”, где герой совершенно случайно встречается свое “тождество” — двойника. Тема старая, но от этого не менее злободневная. От “Двойника” Достоевского до “Соглядатая” того же Сирина всех писателей волновала тайна личности. Но, увы, публика кругом, профессиональная, только злорадствовала и сопротивлялась. Для меня вид худощавого юноши с впалой (казалось) грудью и тяжелым носом боксера, в смокинге, вдохновенно картавящего и убедительно рассказывающего чужим, враждебным ему людям о самом сокровенном, для меня в этом вечере было нечто праздничное, победоносно-героическое. Я охотно начал склоняться на его сторону. Бледный молодой спортсмен в черной паре, старающийся переубедить слепую чернь и, по-видимому, даже преуспевающий в этом! Один против всех, и побеждает. Здесь было что-то подкупающее, я от всей души желал ему успеха. <...> Увы, переубежденных после этого вечера оказалось мало. Стариков образумить невозможно, хоть кол теши у них на темени. Проморгал же Бунин и Белого, и Блока. Поэтам же нашим вообще было наплевать на прозу; они вели тяжбу с Сириным за его стихи, оценивая последние в духе виршей Бунина, приблизительно. А общественники в один голос твердили: “Чудно, чудно, но кому это нужно...”»⁴

Уже тогда «русский Париж проявил исключительное внимание к писателю, в короткое время составившему себе крупное имя. <...> репутация искусного чтеца, которую имеет Сирин, оказалась оправданной. Если стихи он читает скорее как актер, чем как поэт, то в прозе обнаружил и чувство меры, и умение одной, едва заметной интонацией подчеркнуть нужное слово»⁵.

Еще одно парижское выступление воскрешают воспоминания И. В. Гессена, друга отца Набокова: «Накануне возвращения в Берлин удалось еще побывать на литературном вечере, где Сирин читал отрывок из тогда еще не напечатанного романа “Дар” и чудесный рассказ “Оповещение”. Впечатление усиливалось мастерским чтением, не выпускавшим слушателя из взволнованного напряжения, несмотря на отталкивание, внушаемое большинству слушателей его творческими дерзаниями. Оно и понятно, потому что в новаторстве чувствуется высокомерие, неуважение (у Сирина так и было в немалой степени) к установившимся вкусам и интересам публики. <...> С этой точки зрения понятно, что наиболее не-

⁴ Яновский В. Поля Елисейские. Нью-Йорк, 1983. С. 247—248.

⁵ Последние новости. Париж. 1932. 17 ноября. См. также об этом вечере: Встреча с В. Сириным (от парижского корреспондента «Сегодня») // Сегодня. 1932. 4 ноября.

примиримой должна быть своя же братия, писатели и критики — как наиболее увязшие в доминирующей толпе»⁶.

В своей автобиографии, написанной по-английски, Набоков вспоминал: «Но только в конце тридцатых годов мы покинули Берлин навсегда, хотя уже задолго до этого я повадился навещать Париж для публичных чтений. Немыслимая частость этих литературных чтений, проводимых в частных домах или наемных залах, была приметной особенностью эмигрантской жизни, вполне отвечавшей ее скитальческому и театральному характеру»⁷. Далее следуют портреты «различных типов исполнителей», выписанные с беспощадным сатирическим блеском и вполне узнаваемые — от Плевацкой до Бунина. «...(вечер — вот русское слово, приставшее к представлению этого рода)»⁸, — уточняет Набоков, описывая под именем Степана Ивановича Степанова — И. Фондаминского, в доме которого он останавливался, приезжая в Париж для этих выступлений.

Мимолетные сценки и реплики, разбросанные в автобиографических и художественных текстах Набокова, подчеркивают значимость таких публичных «экзаменов» в жизни писателя: «...помнится, однажды двое литераторов, спозаранку явившихся в эту соседнюю столовую, заговорили обо мне. “Что, были вчера на вечере Сирина? — Был. — Ну — как? — Да так, знаете”»⁹.

«Крупного поэта Бориса Морозова, похожего на дружелюбного медведя, спросили, как прошел его вечер в Берлине, и он ответил: “Ничево” — и затем рассказал смешную, но не забывшуюся историю о новом председателе Союза русских писателей-эмигрантов в Германии»¹⁰.

«За три дня до отъезда матери, в большом, хорошо знакомом русским берлинцам зале, принадлежащем обществу зубных врачей, судя по портретам маститых дантистов, глядящих со стен, состоялся открытый литературный вечер, в котором участвовал и Федор Константинович. <...> После перерыва густо пошел поэт: высокий юноша с пуговичным лицом, другой, низенький, но с большим носом, барышня, пожилой в пенсне, еще барышня, еще молодой, наконец — Кончеев, в отличие от победоносной чеканности прочих тихо и вяло пробормотавший

⁶ Гессен И. В. Годы изгнания: Жизненный отчет. Париж, 1979. С. 255.

⁷ Набоков В. Память, говори // Набоков В. Собр. соч. американского периода: В 5 т. СПб., 1999. Т. 5. С. 559.

⁸ Набоков В. Смотри на арлекинов! // Там же. С. 164.

⁹ Набоков В. Другие берега // Набоков В. Собр. соч. русского периода: В 5 т. СПб., 2000. Т. 5. С. 317.

¹⁰ Набоков В. Смотри на арлекинов! С. 149.

свои стихи, но в них сама по себе жила такая музыка, в темном как будто стихе такая бездна смысла раскрывалась у ног, так верилось в звуки и так изумительно было, что вот, из тех же слов, которые нанизывались всеми, вдруг возникало, лилось и ускользало, не утолив до конца жажды, какое-то непохожее на слова, не нуждающееся в словах, своеобразное совершенство, что впервые за вечер рукоплескания были непритворны. Последним выступил Годунов-Чердынцев»¹¹.

24 января 1937 г. Набоков читал в Париже начало «Дара». Чтение это предвляло «Слово о Сирине» В. Ходасевича, оформленное позже в статью. Быть может, впервые «ключ ко всему Сирину» был найден: «Сирин не только не маскирует, не прячет своих приемов <...> но напротив: Сирин сам их выставляет наружу, как фокусник, который, поразив зрителя, тут же показывает лабораторию своих чудес... Его произведения населены не только действующими лицами, но и бесчисленным множеством приемов, которые, точно эльфы или гномы, снуя между персонажами, производят огромную работу: пилят, режут, приколачивают, малюют, на глазах у зрителя ставя и разбирая те декорации, в которых разыгрывается пьеса. Они строят мир произведения и сами оказываются его неустранимо важными персонажами...»¹² Если в творчестве писатель использовал «режиссерско-постановочные» приемы, то на настоящей сцене прием доводился до абсолюта. Автор скетчей и девяти пьес, Набоков вполне владел актерским мастерством и режиссерским талантом. Он играл в пантомимах по новеллам Боккаччо, в 1925 году в Берлине изображал в комическом розыгрыше драматурга и режиссера Николая Евреинова, а в следующем году исполнил в театрализованном суде роль Позднышева, героя повести Толстого «Крейцерова соната». В отзывах, рецензиях, письмах современников и его творчество, и его поведение приравниваются к лицедейству, которому необходимы подмостки и зрители: «Не могу Вам передать, в какое восхищение меня приводит эта, — да и предыдущая — главы романа! — писал 26 ноября 1937 г. В. В. Руднев Набокову, прочитав третью главу “Дара”. — Отдельные страницы положительно изумительны по внутренней острой — пусть даже отравленной прелести, по обольстительной черной магии Вашего словесного искусства. За Вами, как за

¹¹ Набоков В. Дар // Набоков В. Собр. соч. русского периода. Т. 4. С. 275—276.

¹² Ходасевич Вл. О Сирине // Ходасевич В. Собр. соч.: В 4 т. М., 1997. Т. 2. С. 391.

гимнастом на трапеции, следишь с замиранием сердца: вот-вот сорвется, безумец, — а глядишь, проделав смертельный перелет, он уже опять беззаботно (по видимости) покачивается». И в том же письме — о репетициях набоковской пьесы «Событие», которая была поставлена Русским театром в Париже 4 марта 1938 г.: «Когда же Вы наконец приедете в Париж? Во всяком случае, к репетициям Вашей пьесы в Русском театре, не правда ли? И останетесь до триумфа первого спектакля: было бы безбожно лишить слушателей удовольствия после первого действия поорать: “автора! автора!” А Вы будете выходить раскланиваясь и притворитесь смущенным»¹³.

«Правда ли, что Вы написали пьесу? Приедете ли, как подобает драматургу, на премьеру? Будете ли выходить на вызовы? Влюбитесь ли в исполнительницу главной роли? Я, впрочем, все равно решил идти на первый спектакль — из любви к Вам и назло человечеству...»¹⁴ — спрашивал Ходасевич Набокова в письме двумя месяцами позже, 25 января 1938 г.

Тридцать лет спустя американские критики отметят эту игровую природу творческого дара писателя и назовут свои рецензии весьма характерно: «Маскарад Набокова»¹⁵, «Кукольный театр Набокова»¹⁶, «Маг Набоков»¹⁷.

«Набоков был столь великолепным актером (одно из основных требований, предъявляемых “великолепным учителем”), что никто и не подозревал за ним конспектов, которые он писал для своих лекций дословно, включая ироничные “отступления”, — вспоминал его ученик по Корнельскому университету»¹⁸.

И даже смерть не завершила тему, а лишь ее продолжила. «Исчезновение Набокова» — так назвал свой некролог В. Вейдле: «Он был, мало сказать, мастер; такой он был колдун и чаро-

¹³ New York Public Library. Berg Collection. Nabokov Papers. Ср. в «Парижской поэме» Набокова: «Смерть еще далека (послезавтра я / все продумаю), но иногда / сердцу хочется “автора, автора”. / В зале автора нет, господа» (Набоков В. Круг. Л., 1990. С. 149—150).

¹⁴ Ходасевич Вл. Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. С. 533.

¹⁵ Burges A. Nabokov Masquerad // Yorkshire Post. 1962. November 15. P. 4.

¹⁶ Appel A. Nabokov's Puppet Show // New Republic. 1967. Vol. 156. № 2 (January 14). P. 27—30; № 3 (January 21). P. 25—32.

¹⁷ Janeway E. Nabokov the Magician // Atlantic. 1967. Vol. 220. № 1 (July). P. 66—71.

¹⁸ Wetzsteon R. Nabokov as a teacher // Triquarterly. 1970. № 17. P. 240—246.

дей, что именно исчезновением хочется назвать его кончину...»¹⁹

* * *

Первое выступление Набокова в Америке состоялось уже через четыре месяца после его приезда — 12 октября 1940 года²⁰. «Переполнившая зал Общества друзей русской культуры аудитория чрезвычайно тепло, временами даже горячо, приветствовала автора, напряженно следя за каждым звуком... Мастер сам давал свои объяснения, в добавление к слову — мимикой, жестами, интонациями, взлетами и падениями, ритмическими переходами своего голоса...» — писал рецензент²¹. Набоков прочел тогда четыре стихотворения и рассказ «Лик». Через месяц публика потребовала нового концерта²².

«Заметки», как сам Набоков озаглавил свои комментарии к рассказам и стихам, были написаны им весной 1949 года специально для публичного выступления, состоявшегося 7 мая этого года в Нью-Йорке. «Стихи и комментарии» — так по желанию Набокова назывался в пригласительных билетах литературный вечер²³. Набоков, как всегда, заранее подготовил твердый текст для

¹⁹ Вейдле В. Исчезновение Набокова // Новый журнал. 1977. № 129. С. 271—274.

²⁰ 10 октября 1940 г. газета «Новое русское слово» сообщала:
«Общество друзей русской культуры
В субботу 12 октября в Публичной библиотеке на 145 улице
Вечер В. В. Сирина (Набокова)
Чтение автором его произведений.
Вступительное слово Л. И. Тартака. Начало в 8.30».

²¹ Васильев В. Вечер В. В. Сирина // Новое русское слово. 1940. 15 октября.

²² 10 ноября 1940 г. газета «Новое русское слово» сообщала: «Объединенная организация деятелей искусств “Шиворот навыворот”» извещает своих друзей, что в помещении клуба художников 121 Вест 54 улица сегодня, 10 ноября, состоится Вечер поэзии В. В. Сирина. Начало ровно в 8.30 веч.».

²³ ОБЩЕСТВО ВЗАИМОПОМОЩИ «НАДЕЖДА»

приглашает Вас на
ВЕЧЕР В. В. НАБОВОКА-СИРИНА
«СТИХИ И КОММЕНТАРИИ»

Вечер состоится в субботу, 7-го мая 1949 г., в 9 ч. веч. в зале «Академия» 314 West 91 St. (BAR. Nadejda Papers. Box 3. Invitation card).

«произнесения» его перед аудиторией. На вечере он прочел рассказ «Тяжелый дым» и одиннадцать стихотворений.

Организатором вечера был В. М. Зензинов²⁴, который, помимо многих прочих обязанностей и должностей, был председателем эмигрантского общества взаимопомощи «Надежда», основанного в Нью-Йорке в 1945 году. По переписке Набокова и Зензинова прослеживаются все этапы подготовки этого «мероприятия»: выбор удобной для всех даты, оплата объявления, реклама, печатание и распространение билетов²⁵. Позже Зензинов хотел опубликовать заметки в «Известиях Литературного фонда», где он был тогда редактором, но не обнаружил в своем экземпляре самих стихов и рассказа, прочитанных в тот вечер. 22 июня 1949 г. он писал об этом Набокову: «Взялся я за оставленную Вами мне рукопись, чтобы использовать ее для украшения второго номера “Известий Литературного фонда”, который я сейчас составляю — и ахнул! Да ведь в этой рукописи нет ни одной стихотворной строки, одни только комментарии! Это получилось нечто вроде пирога без начинки! Я надеюсь, что у Вас есть копия того, что Вы мне передали. В этом переданном мне манускрипте имеется 12 страниц. Я предполагал — если место позволит — поместить полностью в “Известиях” — все, начиная со стр. 8. И вот — если бы Вы собрались с силами и прислали мне стихотворный (только стихотворный) текст, начиная со стр. 8, то у меня все было бы в порядке, и я мог бы воспроизвести все со стр. 8 до 12-й...»²⁶ Однако учебный год в Корнелльском университете уже закончился, и Набоковы уехали. Так и остался в архиве Зензинова «пирог без начинки».

За пять лет до этого Набоков шутливо сообщал М. А. Алданову: «Зензинов мне писал о возможности устройства “выступления”. Давно я не слышал громогласного картавого чтения Сирина»²⁷. В газетной публикации на состоявшийся 7 мая вечер известный общественно-политический деятель Г. Я. Арансон отмечал: «Аудитория буквально упивалась мастерством каждой строки поэта, его чудесной властью над словом, его проникновением в тайну слова, очаровательными неожиданностями — и все эти особенности Сирина-поэта подчеркивались и замечательной его дикцией, и в не меньшей мере “комментариями”,

²⁴ См. вступ. ст. к «Переписке В. В. Набокова с В. М. Зензиновым» в наст. изд. (с. 34—64).

²⁵ См. письма В. В. Набокова и В. М. Зензинова от апреля—мая 1944 г. и от марта—мая 1949 г. в наст. изд. (с. 69—74; 87—90).

²⁶ BAR. Zenzinov Papers. Box 3.

²⁷ Письмо от 8 мая 1944 г. (BAR. Aldanov Papers. Box 6).

которыми он сопровождал чтение, — грациозными, меткими, остроумными»²⁸.

«Твой приезд и выступление произвели большое действие в здешних умах, — писал Набокову Р. Н. Гринберг²⁹. — Ты сам об этом знаешь. Ты, наверное, читал Арансона. А Николаевский³⁰ мне говорил: “Сирий произнес исповедь”. Чувствительный

²⁸ Арансон Г. Встреча с поэтом (На литературном вечере В. В. Набокова-Сирина) // Новое русское слово. 1949. 26 мая. Григорий Яковлевич Арансон (1887—1968) — общественно-политический деятель, меньшевик, публицист, журналист, поэт, мемуарист. Писал также на английском языке и на идиш. В январе 1922 г. выслан из Советской России, обосновался в Берлине. В 1922—1951 гг. — член ЦК Бунда. Член Заграничной делегации РСДРП. В 1921—1931 гг. — генеральный секретарь «Орт-Юнион» (Берлин). В 1930-е годы жил в Париже. С 1940 г. — в США (Нью-Йорк). В 1944—1957 гг. — сотрудник редакции газеты «Новое русское слово». Соредактор сборника «Памяти В. И. Лебедева» (1958), «Книги о русском еврействе» (1968). Умер в Нью-Йорке.

²⁹ См. о нем примеч. 89 с. 60 наст. изд.

³⁰ Николаевский Борис Иванович (8 октября 1887, Белебей Уфимской губ. — 1966, Нью-Йорк) — общественно-политический деятель, крупнейший архивист и собиратель документов по политической истории России. В 1917 г. — левый меньшевик. На 1-м Всероссийском съезде Советов избран в состав ВЦИК. В 1919—1921 гг. работал в Москве в Историко-революционном архиве, сотрудничал в журнале «Былое». С 1920 г. — член ЦК меньшевиков. 21 февраля 1921 г. арестован, заключен в Бутырскую тюрьму; освобожден и в феврале 1922 г. после длительной голодовки (вместе с Ф. И. Давидом и др. меньшевиками) выслан за границу. Жил в Берлине, сотрудничал в журнале «Новая русская книга» (1922—1923), в сборниках «На чужой стороне» (1924—1925), «Голос минувшего на чужой стороне» (1926), в журналах «Современные записки» (1938—1940) и «Русские записки» (1938—1939). Один из основателей журнала «Летопись революции» (1923) и редактор одноименной мемуарной серии. Представитель Русского заграничного пражского архива в Берлине, в 1924—1931 гг. — представитель Института Маркса и Энгельса за границей: по поручению директора института Д. Б. Рязанова собирал в западноевропейских странах документы по истории международного рабочего движения. Сотрудничал в выходивших в СССР исторических журналах «Каторга и ссылка» (1922—1931), «Летописи марксизма» (1926—1928). Осудил коллективизацию и репрессии сталинского режима в феврале 1932 г., лишен советского гражданства. В 1933 г., после прихода к власти Гитлера, переехал в Париж; вывез из Берлина архив германской Социал-демократической партии и передал его Международному институту социальной истории в Амстердаме. Был директором

и нежный старик Церетели³¹ <...> вспоминает твои стихи, и охает, и приговаривает: “Таких я и не подозревал!” Словом, ты пришелся по вкусу и общественникам! Не удивительно ли?.. Я сначала не понимал, как так вышло. Помогли твои нужные комментарии...»³²

Два с половиной года спустя в Нью-Йорке состоялся еще один вечер³³, в первой части которого Набоков читал отрывки из своей книги о Гоголе³⁴, а во второй — стихи. Неделью спустя он писал Гринбергу о своих переживаниях: «Но должен вот что отметить: эти выступления с собственными стихами, эти редкие погружения в прорубь редкого моего сочинительства про-

---

Парижского отделения института. С 1940 г. — в США. Сотрудничал в русских эмигрантских изданиях: «Новый журнал», «Народная правда», «Новое русское слово»; издавал журнал «За рубежом». После Второй мировой войны, пытаясь объединить русскую эмиграцию, основал «Лигу борьбы за народную свободу». В 1948 г. издал в Лондоне вместе с Д. Ю. Далиным книгу «Принудительный труд в Советском Союзе». Входил в редакцию «Социалистического вестника». Большая часть архива и библиотеки Николаевского в 1940 г. была захвачена гитлеровцами и, по-видимому, погибла в Германии. В США возобновил собирательскую деятельность. В 1963 г. продал свою коллекцию (свыше 250 фондов) Гуверовскому институту при Стэнфордском университете. Автор работ по истории РСДРП и партии эсеров и статей о советской политике и деятелях СССР.

³¹ Церетели Ираклий Георгиевич (20 ноября 1881, Кутаис — 20 мая 1959, Нью-Йорк) — политический деятель, один из лидеров меньшевиков. Участник Общероссийской конференции меньшевиков в Женеве (1905). Депутат II Государственной Думы. Делегат 5 съезда РСДРП (Лондон, 1907). Закончил юридический факультет Московского и Берлинского университетов. Церетели — один из организаторов Грузинской Демократической Республики (1918). После падения меньшевистского правительства в Грузии (1921) остался в эмиграции, представлял грузинскую Социал-демократическую партию в Международном социалистическом бюро и исполкоме Социнтерна.

³² Р. Н. Гринберг — В. В. Набокову. 28 мая 1949 г. // Library of Congress, Washington. Manuscript Division. Vozdushnye puti. Box 2.

³³ ОБЩЕСТВО ВЗАИМОПОМОЩИ «НАДЕЖДА»

приглашает Вас на вечер

В. В. НАБΟКОВА-СИРИНА

в субботу 8 декабря 1951 г. в 8.30 веч.

в помещении Master Institute Hall 323 W/ 103 ул.

и Riverside drive.

(BAR. Nadejda Papers. Box 3. Invitation card.)

³⁴ *Nabokov V. Nicolai Gogol. New York, 1944.*

изводят на меня болезненное, потрясающее действие. Я несколько дней как-то не мог прийти в себя. Вероятно, это идет на пользу в струнном отношении души, но самое переживание — острое и бередливое, *if you know what I mean*³⁵, как говорят русские»³⁶. «После Вашего отъезда, — отвечал Гринберг, — мы множество раз слышали о впечатлениях, переживаниях, чувствах, мыслях тех, кто ходил тебя смотреть на эстраде. Все всегда говорят со страстью, как говорят о своей вере или любви, немножечко туманно. Ты всех здорово растормошил, и это главное! “О чем это он говорил, не понял, но как прекрасно говорил!” — мнение общественников-культурников — сам слышал. “Я уходила отсюда на крыльях”, — сказала мне одна мадама. А Тартак собирается читать лекцию о непонятных поэтах: Ходасевич, Цветаева, Сирин...»³⁷

«Поэты обыкновенно плохо читают свои стихи и редко бывают хорошими докладчиками. Набоков в этом смысле исключение. Он прекрасный докладчик — острый и парадоксальный. Свою трудную, но насыщенную мыслью и образами поэзию он читает выпукло, живо и как бы с некоторым вызовом», — отмечал очередной журналист³⁸.

Стихам, прочитанным на вечере 7 мая 1949 г., предшествовало прозаическое описание их появления — но эта проза была — та же поэзия: «Пьяные от итальянской музыки аллитераций, от желания жить, от нового соблазна старых слов — “хлад”, “брег”, “ветр”, — ничтожные, бранные стихи, которые к сроку появления следующих неизбежно зачахнут, как зачахли одни за другими все прежние, записанные в черную тетрадь; но все равно: сейчас я верю восхитительным обещаниям еще не застывшего, еще вращающегося стиха, лицо мокро от слез, душа разрывается от счастья, и я знаю, что это счастье — лучшее, что есть на земле»³⁹.

³⁵ Если ты понимаешь, что я имею в виду (*англ.*).

³⁶ В. Набоков — Р. Гринбергу. 15 декабря 1951 г. (BAR. Grynberg papers. Box 1).

³⁷ Р. Гринберг — В. Набокову. 29/XII 1951 г. (New York Public Library. Berg Collection. Nabokov papers).

³⁸ И. Л. Т. <Тартак>? О вечере Владимира Набокова // Новое русское слово. 1951. 13 декабря.

³⁹ Набоков В. Тяжелый дым // Набоков В. Собр. соч. русского периода. Т. 4. С. 552—557.

<I>

Сначала я прочту небольшой рассказ — страничек семь. Называется он «Тяжелый дым». Место действия: Берлин, — русский эмигрантский Берлин, оставивший суховатый, но не совсем лишенный аромата, могильный веночек у многих из нас в памяти. Выбирая рассказ для нынешнего вечера, я остановился на этом рассказе потому, что я его люблю, да он как-то подходит по своему настроению к стихотворной части моей программы. Жизнь, в нем изображенная, — не моя, молодой туманный лирик, в нем сочиняющий стихи, — не я, но мне была близка и хорошо знакома эта жизнь эмигрантского юноши в русском Берлине.

Время действия — середина тридцатых годов.

Рассказ «Тяжелый дым»¹.

<II>

Мне хотелось бы поделиться со слушателями несколькими образцами моих собственных поэтических выделений за последние двадцать лет. Однако нет ничего скучнее сплошного чтения стихов, а кроме того, за годы работы в здешних университетах я привык к некоторым, так сказать, автоматическим замашкам профессорского образца. Поэтому мне показалось заманчивым предпослать каждому стихотворению кое-какие объяснительные заметки.

Я начал писать еще отроком. Однажды, в Петербурге, мой отец на заседании Литературного фонда показал Зинаиде Гиппиус мои первые опыты. Ознакомившись с ними, «Передайте вашему сыну, — отвечала эта сивилла, — что никогда писателем он не будет»². Нет сомнения, что книжечка, выпущенная мной в 1916 году — «Стихотворения Валентина Набокова»³ (я уже тогда питал слабость к неуместным псевдонимам)⁴, была плохонькая. Только десять лет спустя, за границей, в Англии, в Германии, во Франции, кое-что во мне выправилось, лужицы несколько подсохли, послышались в голых рощах сравнительно чистые голоса.

Довольно естественно, что для молодого изгнанника утрата отечества сливалась бы с утратой любовной. Из многочисленных лирических стихов такого рода, которые я сочинял в Европе в ту пору, я отобрал несколько таких, которые все еще отвечают моим сегодняшним требованиям.

«На закате, у той же скамьи...»⁵.

<III>

Следующее стихотворение, состоящее из нескольких легко-сцепленных частей, обращено сначала как бы к двойнику поэта, рвущемуся на родину, в какую-то несуществующую Россию, вон из той гнусной Германии, где я тогда прозябал. Окончание относится уже прямо к родине.

«Такой зеленый...»⁶.

<IV>

К этой же группе хочу отнести и следующее стихотворение, очень пришедшееся по вкусу покойному Иосифу Владимировичу Гессену⁷, человеку, чье художественное чутье и свобода суждений были мне так ценны.

«Мы с тобою так верили в связь бытия...»⁸.

<V>

Я теперь прочту три стихотворения, сочиненных мною в Париже в начале войны. Первые два появились в «Современных записках» за выдуманной подписью «Василий Шишков». Не могу удержаться, чтобы не объяснить причину этого скромного маскарада. В те годы я догадывался, почему проницательность влиятельнейшего зарубежного критика⁹ делалась до странности тусклой, когда он брался за мои стихи. Этот талантливый человек был известен тем, что личные чувства — соображения дружбы и расчет неприязни — руководили, увы, его¹⁰ пером. Мне показалось забавным испробовать на деле, будет ли он так же вяло отзываться о моих стихах, если не будет знать, что они мои. При содействии двух редакторов «Современных записок», дорогих и совершенно незабвенных Фондаминского¹¹ и Руднева¹², я прибегнул к этой маленькой хитрости, приписав мои стихи несуществующему Шишкову. Результат был блестящий. Критик восторженно отозвался о Шишкове в «Последних новостях»¹³ и чрезвычайно на меня обиделся, когда выяснилась правда.

«Поэты» («Из комнаты в сени свеча переходит...»)¹⁴.

<VI>

Второе стихотворение этого парижского «цикла» (как любят выражаться молодые поэты) оказалось последним из моих многочисленных обращений к отечеству. Оно было вызвано известным пакостным пактом¹⁵ между двумя тоталитарными чудови-

щами, и уже после этого если я и обращался к России, то лишь косвенно или через посредников.

«К России» («Отвяжись... я тебя умоляю...»)¹⁶.

<VII>

Третье стихотворение несколько длиннее прочих — и по появлению своем в нью-йоркском «Новом журнале» вызвало устные упрёки в туманности. Оно станет яснее, если иметь в виду, что вступительные его строки передают попытку поэта, изображенного в этих стихах, преодолеть то хаотическое, нечленораздельное волнение, когда в сознании брезжит только ритм будущего создания, а не прямой его смысл.

«Парижская поэма»¹⁷.

<VIII>

При счастливом переезде в Америку, вот уже девять лет тому назад, меня, помнится, прежде всего поразила летним вечером удивительная нежность сиреневых зданий вокруг Central Park и какое-то чувство нездешности, Нового Света, нового освещения. Следующее маленькое стихотворение начинается со слова «Вечереет» в кавычках, т. е. употребленное с такой интонацией, с какой старомодный художник мог бы озаглавить пастельный пейзаж.

«Вечереет...»¹⁸.

<IX>

За последние годы я писал мало. Тут у меня два стихотворения 1945 года, откровенно гражданского пошиба. В первом из них намечена пародия на манеру покойного Владимира Маяковского. Рифмы, упомянутые в конце, подразумевают имена Сталин и (в русском произношении) Черчилль¹⁹. В этом стихотворении явно выражается раздражение, вызванное низкопоклонничеством перед громовержцами.

«О правителях»²⁰.

<X>

Стихотворение, которое я теперь прочитаю, посвящено моему большому приятелю, известному автомобильному гонщику, князю Сергею Михайловичу Качурину²¹. Года тридцать четыре тому

назад представился случай инкогнито побывать в России, и добрейший Сергей Михайлович очень уговаривал меня этим случаем воспользоваться. Я живо представил себе мое путешествие туда и написал следующие стихи.

«Качурин, твой совет я принял...»²².

<XI>

Как известно, по какому-то странному совокуплению разнородных мыслей, военная слава России послужила для некоторых архибуржуазных кругов поводом к примирению с ее режимом. Один литературный журнал, который специализировался на этом патриотическом трепете, обратился ко мне с просьбой сотрудничать и получил от меня следующую, довольно неожиданную для него лепту:

«Каким бы полотном батальным <не являлась>...»²³.

<XII>

О последнем стихотворении, которое я сегодня прочту, говорить много не приходится. Скажу только, что в нем некий дьявол, похожий на восковую фигуру, соблазняет свободного поэта всякими вещественными наградами. На псевдоним «Сирин», под которым я так много писал, намекается в одной из строф образом человека, заgrimированного птицей²⁴. Те, кто помнит «Памятник» Пушкина, заметят в одном месте маленькую парафразу²⁵.

«Слава»²⁶.

КОММЕНТАРИИ

Печатаются в современной орфографии по машинописи, имеющей заглавие (карандаш) «Копия заметок», хранящейся в Архиве русской и восточно-европейской истории и культуры (Бахметевском) Колумбийского университета в Нью-Йорке, США (Bakmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Columbia University, New York, USA, в дальнейшем — BAR), в фонде В. М. Зензинова (Zenzinov Papers. Box 3). Каждая заметка напечатана на отдельном листе по старой орфографии. Вверху первого листа слева по белому полю от руки подпись: «В. Набоков (Сирин)». В большинстве своем широкодоступные в настоящее время тексты стихов и рассказа «Тяжелый дым» в настоящей публикации не приводятся.

<I>

¹ Впервые: Последние новости. 1935. 3 марта. Впоследствии вошел в книгу рассказов и стихов «Весна в Фиальте» (Нью-Йорк, 1956).

<II>

² Ср. в «Других берегах»: «Спешу добавить, что первая эта моя книжечка стихов была исключительно плохая, и никогда бы не следовало ее издавать. Ее по заслугам немедленно растерзали те немногие рецензенты, которые заметили ее. Директор Тенишевского училища, В. В. Гиппиус <... принес как-то экземпляр моего сборничка в класс и подробно его разнес при всеобщем, или почти всеобщем, смехе. <... Его значительно более знаменитая, но менее талантливая кузина Зинаида, встретившись на заседании Литературного фонда с моим отцом, который был, кажется, его председателем, сказала ему: «Пожалуйста, передайте вашему сыну, что он никогда писателем не будет», — своего пророчества она потом лет тридцать не могла мне забыть» (Набоков В. Другие берега. С. 291).

³ Набоков В. Стихи. Петроград, 1916.

⁴ 15 августа 1974 г. Г. Струве, собиравший библиографию Набокова, спрашивал в письме, адресованном В. Е. Набоковой: «Р. S. Между прочим, где и когда В. В. пользовался “псевдонимом” “Валентин Набоков”? Таковой указан в числе “псевдонимов” у Фостер, но ни одного примера употребления его не приведено (в отличие от других). Правда, она не включила в свою библиографию газетных публикаций. Но был где-нибудь такой псевдоним (или такая ошибочная подпись)?» Внизу того же письма рукой Веры Евсеевны карандашом даны названия нескольких стихотворений с указаниями журналов, и далее она пишет: «Он ухаживал за барышней, которую звали Валентина, а псевдоним ему был нужен, чтобы не было путаницы с отцом». В письме от 20 сентября 1974 г. Г. Струве опровергает данные В. Е. Набоковой о стихах, т. к. в указанных ею изданиях — другие подписи (New York Public Library. Berg Collection. Nabokov Papers).

⁵ Вошло в кн.: Набоков В. Стихотворения 1929—1951. Париж, 1952. Автограф этого стихотворения хранится в архиве К. Солнцева с дарственной надписью: «Переписано для дорогого Владимира Михайловича Зензинова 12-го февраля 1936, в Париже». (Amherst college center for Russian Culture. K. Solntsev papers).

<III>

⁶ Впервые (в подборке из трех стихотворений под общим заглавием «Стихи»): Последние новости. 1934. 3 мая.

<IV>

⁷ И. В. Гессен (1865—1943) — юрист, издатель, редактор, мемуарист; друг В. Д. Набокова, отца писателя. Основал в Петербурге журнал «Право» (1898—1918), куда пригласил сотрудничать В. Д. Набокова. С этого времени началась их дружба, продлившаяся до трагической гибели В. Д. Набокова в Берлине в 1922 г. В 1905 г. — один из основателей КД-партии, с 1906 г. — член ее ЦК. Вместе с П. Н. Милюковым редактировал ежедневную газету «Речь», являвшуюся органом КД-партии. Издатели «Речи» — В. Д. Набоков и И. И. Петрункевич. В 1919 г. эмигрировал в Финляндию, затем в Германию. В 1936 г. уехал из нацистской Германии во Францию, в июне 1940 г. перед вступлением фашистских войск в Париж бежал на юг Франции, в неоккупированную зону. В ноябре 1942 г. выехал в США. В Берлине организовал издательство «Слово», где вышли романы Сирина «Машенька», «Король, дама, валет», «Защита Лужина», пе-

ревод Р. Роллана «Кола Брюньон» — «Николка Персик» и сборник рассказов и стихов «Возвращение Чорба». В Берлине был председателем русского Союза писателей и журналистов, издавал газету «Руль» при ближайшем участии В. Д. Набокова и А. И. Каминки. Издатель исторических сборников «Архив русской революции», где в 1921 г. опубликовал воспоминания В. Д. Набокова «Временное правительство и большевистский переворот». Автор мемуаров: «В двух веках (Архив русской революции) (Берлин, 1937), «Годы скитаний» (Нью-Йорк, 1979), «Годы изгнания: Жизненный отчет» (Париж, 1979). В мемуарах Гессена даны портреты семьи Набоковых. А в мемуарах Набокова «Другие берега» упомянут Гессен: «О “Руле” вспоминаю с благодарностью. Иосиф Владимирович Гессен был моим первым читателем. Задолго до того, как в его же издательстве стали выходить мои книги, он с отеческим попустительством мне давал питать “Руль” незрелыми стихами» (*Набоков В. Другие берега*. С. 316). На смерть Гессена Набоков написал некролог (Новое русское слово. 1943. 31 марта). О Гессене: *Гессен В. Ю.* Гессены и Набоковы — сотрудничество и дружба // Набоковский вестник. Вып. 1. СПб., 1998. С. 182—192.

⁸ Вошло в кн.: *Набоков В.* Стихотворения 1929—1951. Автограф стихотворения в подборке из двух стихотворений с общим заголовком «Обращение» находится в архиве З. Шаховской (Manuscript division Library of Congress, Washington. Z. Shakhovskaj Papers). О другом автографе этого стихотворения за подписью «В. Шишков» см.: *Старк В.* Неизвестный автограф Набокова, или История одной мистификации // Звезда. 1999. № 4. С. 40—41.

<V>

⁹ Набоков имеет в виду Г. В. Адамовича (1894—1972), поэта и критика. В сборнике «Poems and Problems» (1970) Набоков сообщал, что стихотворение «Поэты», опубликованное в журнале «Современные записки» под псевдонимом «Василий Шишков», «было написано с целью поймать в ловушку почтенного критика, который автоматически выражал недовольство по поводу всего, что я писал. Уловка удалась: в своем недельном отчете он с таким красноречивым энтузиазмом приветствовал появление “таинственного нового поэта”, что я не мог удержаться от того, чтобы не продлить шутку, описав мои встречи с несуществующим Шишковым в рассказе, в котором среди прочего изюма был критический разбор самого стихотворения и похвал Адамовича». Это примечание В. Е. Набокова поместила в сборнике: *Набоков В.* Стихи. Ann Arbor, 1979. С. 319—320. В рассказе «Василий Шишков» Набоков, продолжая мистификацию, пишет: «Стихи были очень хороши, — я надеюсь как-нибудь поговорить о них гораздо подробнее. Недавно по моему почину одно из них появилось на свет, и любители поэзии заметили его своеобразность...» (*Набоков В.* Собр. соч. русского периода. Т. 5. С. 410). В газете «Последние новости» Адамович регулярно рецензировал произведения Набокова, печатавшиеся в журнале «Современные записки», ему же посвятил отдельный очерк в книге «Одиночество и свобода» (Нью-Йорк, 1955). О творческом антагонизме Адамовича и Набокова см.: *Долинин А.* Три заметки о романе «Дар» // В. В. Набоков: pro et contra. СПб., 1997. С. 704—717.

¹⁰ Зачеркнуто: несколько женственным.

¹¹ Об И. И. Фондаминском см. примеч. 15 на с. 100 наст. изд.

¹² Руднев Вадим Викторович (1879, Острогжск Воронежской губ. — 19/XI 1940, По, Франция) — общественно-политический деятель, журналист,

издатель; член ЦК партии эсеров. В 1908 г. арестован в Москве, выслан вместе с женой в Енисейскую губернию, где находился четыре года. Во время Февральской революции находился в Москве на должности земского врача Московской губернии. В начале 1917 г. в результате победы эсеров на выборах в Московскую городскую думу избран городским головой. В апреле 1919 г. через Одессу, Константинополь, Марсель эмигрировал в Париж. Работал секретарем в редакции газеты «Еврейская трибуна» (Париж, издатель — М. М. Винавер). Один из основателей журнала «Современные записки». С 1936 г., по воспоминаниям М. В. Вишняка, фактически единоличный редактор этого журнала.

¹³ Последние новости. 1939. 17 августа.

¹⁴ Впервые (под псевдонимом «Василий Шишков»): Современные записки. 1939. № 69. С. 214—215 с заглавием «Обращение».

<VI>

¹⁵ 23 августа 1939 г. в Москве между Германией и СССР был подписан договор о ненападении (Пакт «Молотова—Риббентропа»).

¹⁶ Впервые (под псевдонимом «Василий Шишков»): Современные записки. 1940. № 70. С. 128—129. Автограф стихотворения с подписью «Вас. Шишков» и датой «X.39» (Manuscript division Library of Congress, Washington. Z. Shakhovskaj Papers).

<VII>

¹⁷ Впервые: Новый журнал. 1944. № 70. С. 159—163. Р. Н. Гринберг в письме к Набокову от 22 апреля 1944 г. рассказывает о чтении Ю. Тувимом, бывшим накануне в гостях у Гринберга, «Парижской поэмы» в присутствии Э. Уилсона. (New York Public Library. Berg Collection. Nabokov Papers).

<VIII>

¹⁸ Вариант стихотворения «Целиком в мастерскую высокую...» был опубликован впервые: Новый журнал. 1956. № 46. С. 43.

См. об этом: Глушанок Г. Об одном стихотворении // Набоковский вестник. Вып. 6: В. В. Набоков и Серебряный век. СПб., 2001. С. 213—215.

<IX>

¹⁹

Покойный мой тезка,
писавший стихи и в полоску
и в клетку, на самом восходе
всесоюзно-мещанского класса,
кабы дожил до полдня,
нынче бы рифмы натягивал
на «монументален»,
на «переперчил» —
и так далее.

(«О правителях»)

Ср.: в рассказе Набокова «Занятой человек» граф Иг, «поставляющий стихи в газету», рифмовал «проталин» и «Сталин» (Набоков В. Собр. соч. русского периода. Т. 3. С. 558).

²⁰ Впервые: Новый журнал. 1945. № 10. С. 172—173.

<X>

²¹ Князь Качурин — лицо вымышленное. Впервые эта фамилия — в романе «Дар»: Федор Константинович Годунов-Чердынцев видит в книжной лавке «несколько эмигрантских новинок: новый, дородный роман генерала Качурина “Красная княжна”» (*Набоков В. Собр. соч. русского периода. Т. 4. С. 347—348*). В примечании Набокова к стихотворению, перешедшему из сборника «*Poems and problems*», князь Качурин наделен и вымышленной биографией: «Качурин Стефан Мстиславович. Мой бедный друг, бывший полковник Белой Армии, умерший несколько лет тому назад в монастыре на Аляске. Только золотым сердцем, ограниченными умственными способностями и старческим оптимизмом можно оправдать то, что он присоветовал описываемое здесь путешествие. Его дочь вышла замуж за композитора Торнитсена» (*Набоков В. Стихи. С. 320*). Но прецеденты подобных путешествий были в реальной жизни. Так, один из соредакторов пражского журнала «Воля России» — В. И. Лебедев (1883—1956) в 1929 г. нелегально посетил СССР с чужим паспортом и, вернувшись, опубликовал в журнале цикл очерков (1929. № 9—12; 1930. № 1—6), который Набоков, конечно же, знал. Также находясь в эмиграции, дважды, в 1924 и 1926 гг., нелегально переходил советскую границу и ездил по стране Павел Дмитриевич Долгоруков (1866—1927), член ЦК партии КД, депутат II Государственной Думы. Во время последней поездки он был арестован и в 1927 г. расстрелян. Мотив возвращения на родину — один из самых устойчивых в творчестве Набокова. В архиве Э. Уилсона (Yale's Beinecke Library) сохранился набоковский автограф: перевод этого стихотворения на английский язык с подстрочными прозаическими комментариями, сделанными специально для Уилсона (см.: «*To prince Kachurin*» — for Edmund Wilson» (by G. Barabtarlo) // *Nabokovian. 1992. № 29. P. 30—34*).

²² Впервые: Новый журнал. 1947. № 15. С. 81—83.

<XI>

²³ Впервые в: Арансон Г. О «внутренней эволюции» СССР // Социалистический вестник. Нью-Йорк. 1944. № 5—6. 17 марта. С. 60.

Автограф стихотворения, написанного 2 апреля 1943 г., хранится в архиве С. Ю. Прегель (Slavic collection University of Illinois, Urbana, USA). Весной 1943 г. на предложение С. Ю. Прегель, издававшей в Нью-Йорке журнал просветской ориентации «Новоселье», сотрудничать в ее журнале Набоков ответил стихами.

В. Набоков 2-го апреля 1943 г.
8 Креги Серкель
Кембридж, Масс.

Каким бы полотном батальным ни являлась
Советская сусальной Русь,
Какой бы жалостью душа ни наполнялась, —
Не поклонюсь, не примирюсь

Со всю мерзостью, жестокостью и скукой
Немого рабства; нет, о нет,
Еще я духом жив, еще не сыт разлукой, —
Увольте, — я еще поэт.

Посылаю Вам, дорогая София Юльевна, этот экспромт с дружеским приветом.

В. Набоков-Сирун

(Из архива С. Ю. Прегель / Публ. Ю. Гаухман // Евреи в культуре русского зарубежья. Иерусалим, 1995. Т. 4. С. 281).

Тремя днями позже Набоков отправил «Экспромт» своему американскому другу — писателю Э. Уилсону: «Здесь стихотворение, которое я посылаю редактору “Новоселья” в ответ на оптимистическое требование дать некоторые из моих материалов» (Letter № 54, 5.04.1943 // *The Nabokov—Wilson Letters. Correspondence between Vladimir Nabokov and Edmund Wilson 1940—1971* / Ed., An. and with an Introductory Essay by Simon Karlinsky. New York; London, 1980. P. 100—101).

Наверное, Набоков послал стихи еще кому-то из своего окружения, потому что они быстро распространились в частной переписке. Дошли они и до А. Ф. Керенского, который просил их опубликовать редактора «Нового журнала» М. М. Карповича, на что 10 мая 1943 г. Карпович отвечал: «Дорогой Александр Федорович, к сожалению, я набоковского стихотворения не видел, а только слышал восторженные отзывы о нем от Татьяны Николаевны, которая как-то была у Набокова без меня. Из рассказа Т. Н. я понял, что В. В. послал это стихотворение Прегель, в ответ на просьбу прислать что-нибудь для “Новоселья”. Как же мы можем напечатать его в “Новом журнале”? Во всяком случае я поговорю об этом с В. В. ...» (BAR. Karpovich Papers. Box 2.). В фонде Карповича сохранилась машинопись стихотворения с небольшими синтаксическими разночтениями, подписью Набокова и его припиской от руки: «апрель или май 1943 г. (в ответ на предложение Софии Прегель написать что-нибудь для “Новоселья”» (BAR. Karpovich Papers. Box 3).

В тот же день, 10 мая 1943 г., Алданов писал Набокову из Абингдонского санатория: «Я же о Вас ничего не знаю, — надеюсь узнать от Фрумкина, когда вернусь в Нью-Йорк. Слышал только о стихах, посвященных “Новоселию”» (BAR. Aldanov Papers. Box 6).

Видимо, Карпович, по просьбе Керенского, спросил Набокова о стихах. В письме к Уилсону месяцем позже Набоков писал: «Говорят, Керенский прослезился, когда ему показали стихи, те, что я послал тебе...» (Letter 56, 11.06.1943 // *The Nabokov—Wilson Letters*. P. 103).

В конце концов Г. Арансоном, по его собственному признанию (Новое русское слово. 1944. 26 мая), стихи были переданы в «Социалистический вестник», где они и появились без имени автора. Ситуация эта весьма позабавила Набокова, который писал своему корреспонденту Э. Уилсону: «Мое маленькое импровизированное стихотворение “Советская сусальнейшая Русь” секретно циркулирует в копиях и рекопируется среди русских социалистов окружения Керенского, что дает им исключительность ощущения давно утраченного возбуждения, протекающего от распространения “запрещенных стихов”, как они это делали при царе, — вплоть до того, что один из этих социалистов опубликовал их анонимно в “Социалистическом вестнике” (в конце какой-то антисталинской статьи), применяя ритуалистически осторожную манеру ссылок, которая обычно использовалась, когда речь шла о революционных стихах пятидесятилетней давности. Двумя прекрасными моментами здесь являются:

1) такое превосходное гражданское стихотворение становится общей собственностью и 2) имя поэта не разглашается, иначе он был бы президентом Рузвельтом сослан в Сибирь или Лабрадор. Если ты знаком с обычаями, средой, стилем русской публицистики левого крыла 1845—1945, ты оценишь деликатную забавность ситуации» (Letter № 82, 26.03.1944. The Nabokov—Wilson Letters. P. 132).

23. 05. 1965 Набоков, забраковав перевод В. Ф. Маркова, сам перевел это стихотворение на английский язык для антологии, составителем которой был Марков: *Modern Russian poetry*. London, 1966. P. 478—479. В письме от 23 мая 1965 г. В. Е. Набокова пишет об этом Маркову (Public Library, New York. Berg Collection. Nabokov Papers).

Спустя 28 лет, составляя сборник «*Poems and Problems*», Набоков ошибочно датировал стихотворение 1944 годом.

<XII>

²⁴ «Я божком себя вижу, волшебником с птичьей / головой, в изумрудных перчатках, в чулках / из лазурных чешуй. Прохожу. Перчитите / и остановитесь на этих строках...» («Слава»).

²⁵ «Нет, никто никогда на просторе великом / ни одной не помянет страницы твоей: / ныне дикий пребудет в неведение диком, / друг степей для тебя не забудет степей» («Слава»).

²⁶ Впервые: Новый журнал. 1942. № 3. С. 157—161.

